

18 МАЯ 1947

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Накануне 25-летия театра им. Шевченко

Ф. И. РАДЧУК

Двадцать четыре года жизни заслуженного артиста республики Федора Ивановича Радчука связаны с Харьковским театром имени Шевченко. Рост, возмужание, зрелость артиста отражают путь театра. Радчук принадлежит к той группе шевченковцев, которая активно боролась с чужими и враждебными советскому искусству явлениями—формалистическими, эстетическими выкрутасами, имевшими место в первые годы существования театра. Сыгравшие там артистами, как Крушельницкий, Бучма, Сердюк, Радчук, роли противоречили общей порочной концепции спектаклей, спорили с ней. Поэтому они каждый раз звучали как своеобразные публицистические выступления, прокладывали путь к становлению нового, подлинно шевченковского стиля.

Как раз в борьбе за торжество реалистических принципов театра и начал формироваться индивидуальный актерский стиль Радчука.

В противовес формальным изощрениям—острая, предельно отточенная и в то же время строгая, четкая, даже скучающая характерность. В ответ на произвольные, ничем не оправданные домыслы (а чаще—вымыслы) общей режиссерской трактовки пьес—глубоко продуманный, взвешенный от начала и до конца, последовательный психологический рисунок каждой роли.

Итак, острая, четкая характеристика—эмоциональная окраска образа и, с другой стороны, мысли артиста, законченность идеиного замысла и смысла роли, ее своеобразный, иногда, на первый взгляд неожиданный «поворот». Такое и только такое сочетание родило все наиболее ценные в галерее созданных Ф. И. Радчуком образов.

Образ войскового писаря Лизогуба в пьесе А. Корнейчука «Богдан Хмельницкий» отнюдь не относится к удачам драматурга. На фоне сильных, патетических, оригинально решенных героических фигур «Богдана Хмельницкого» Лизогуб выглядит героям мелодраматическим.

Радчук пошел своим, оригинальным путем. Он залался целью показать не патологически преступную натуру, не неголя, так сказать, по рождению и призванию, а преступный, общественно опасный ум,—сознательного, знающего цену и имя себе и своим поступкам враха.

Монолог с гетманской булавой—самое мелодраматическое место роли—произвучало у Радчука как вершина реалистически-трагедийного решения образа. «Холодна ты... как смерть—холодна». Эти слова Лизогуба Радчук произносит удивительно спокойно, просто, как бы размышляя. Ни тени эффектной интонации, никакой позы. Неумолимая, жестокая констатация факта. Борьба за власть—борьба не на жизнь, а на смерть, чужих жизней Лизогуб в этой борьбе не пожалеет. И следующая фраза—«Сильные держали

тебя руки, да ума нехватило им»,—также произнесенная без всякого внешнего темперамента, как утверждение, как вывод, логически завершающий актерское толкование роли.

Такая характеристика создаваемого Радчуком образа подчинена, сочетается с его общей направленностью, с его мыслью.

Такое понимание характерного в образе, такой подход к материалу роли помогает Радчуку выходить победителем из самых ответственных и трудных испытаний.

Одним из них была роль старика Михеева в пьесе А. Сурова «Далеко от Сталинграда». Жизненная, политическая правда диктовала, подсказывала, сколь большим должен быть удельный вес этого образа в спектакле. Ведь Михеев—единственный, в сущности говоря, представитель рабочих, рядовых солдат фронта труда в пьесе.

Радчук (хотя и на этот раз в его распоряжении был далеко не безупречный литературный материал) сумел найти убедительную и правильную мысль, идею образа. Его Михеев—государственный человек, хозяин. Хозяин в своей работе над усовершенствованием станка, хозяин своего завода, хозяин судеб своей страны. Он это знает, и этим он по-своему горд. Новое, социалистическое отношение к работе и людям увидел Радчук в характере этого старого русского пролетария, ставшего советским рабочим. Собирает Михеев—Радчук из обломков детали новой машины или приглашает парт-орга Орлова переселиться из заводского барака к себе на квартиру—что большой человек, деятель, хозяин наводит порядок в собственном доме.

И, как всегда у Радчука, артист подобрал немногочисленные, скучные

и, может быть, именем поэту особенно впечатляющие черты внешнего облика, поведения, манеры говорить и держаться для своего Михеева. Не суетливый в стремлении во что бы то ни стало «отличиться» штатный актёр, а сосредоточенный, требовательный, непримиримый рабочий гражданин.

Не похожи друг на друга созданные Ф. И. Радчуком характеры. Размах его творческих возможностей и данных очень широк. Но есть нечто общее во впечатлении, которое оставляет каждая новая его работа. Сыграно талантливо? Да, несомненно. Сыграно мастерски? Да. Но всегда и прежде всего сыграно умно.

...Радчук—Квирис (*«Загибель ескадри»*). Мичман музеничит, напевает. Изящество, воспитанность, утонченность. Вертинский — *«Три юных пажа»*, *«Лиловый негр вам подает мантго»*...

За этой бравадой — опустошенность, ничтожество, страх перед революцией.

...*«Ходячая балалайка»* Керенский (*«Правда»* А. Корнейчука). Вместо традиционной в данном случае истерики—характерная поза: одна рука на груди, другая—сзади. И манера говорить—глядя куда-то сквозь собеседников, слушая только самого себя. Этого достаточно, чтобы донести главное в Керенском Радчуке—что калиф на час, который упивается иллюзией власти. А в другой своей работе — образе Звонцова (*«Егор Булычев и другие»* М. Горького) Радчук столь же ярко показывает среду, которая поддерживала и выдвигала керенских.

...Неизменная улыбка, открывающая ряд белоснежных зубов, узенькие, прищуренные от удовольствия глазки. Такому—всегда хорошо. Такой—довolen жизнью. Во всех превратностях судьбы он находит удовольствие и благополучие. Подобно Олегу Баяну из *«Клона»* Маяковского, Долгоносик, показанный Радчуком (*«В степях Украины»* А. Корнейчука) будет жить и процветать там, где еще водятся доверчивые Галушки.

...Как жить, если не знаешь, где настоящая правда, где справедливость? Русский человек не может существовать без правды. За ней пройдешь хоть тысячу и тысячу верст. Котому—за плачи, шапку на голову—и готов в дорогу. И Фрол Баев (*«Земля»* Н. Вирта), которого не смог окончательно убедить ни большевик Листрат, ни эсер Антонов, идет к самому Ленину. Пристальный, ищущий взгляд. Он должен все проверить сам. Ему—нельзя без правды...

Через деталь, через острую характеристность к широкому обобщению, к общей идее образа—в этом видим мы особенность творческого метода Ф. И. Радчука.

Л. ЖАДАНОВ,
Б. МИЛЯВСКИЙ.